

DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.6>

UDC 930.26(470+571):903.53

LBC 63.48(2)-427.1

BURIAL COMPLEX OF THE 1ST CENTURY AD FROM KOVALYOVKA KURGAN CEMETERY

Aleksandr N. D'jachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The present article is devoted to the burial complex of Kurgan No. 8 from Kovalyovka Cemetery located in the south of the Volga-Don interfluvium, in the basin of the Aksay Yesaulovsky river. In the center of the burial mound surrounded by a circular ditch, archaeologists uncovered an empty grave pit without any skeletal remains or grave goods. In the peripheral part of the burial mound, an interesting Middle Sarmatian female burial was investigated. Grave goods found in this burial include mainly imported things: a pitcher, a red-lacquered platter, a fragment of a mirror pendant, a Roman fibula. They highlight the direction of trade and economic relations of the Volga-Don steppe Sarmatians in the 1st – early 2nd centuries AD. The article hypothesizes that the location of the graves in the middle and in the periphery of the kurgan could be a special ritual typical of high-status burial complexes in the Middle Sarmatian culture and in the initial stage of the Late Sarmatian culture.

Key words: Kurgan, burial, Sarmatians, nomads, Middle Sarmatian culture, high status burial, grave goods, Roman fibula, ceramics.

УДК 930.26(470+571):903.53

ББК 63.48(2)-427.1

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС I в. н. э. ИЗ РАСКОПОК КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КОВАЛЕВКА

Александр Николаевич Дьяченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данная публикация посвящена погребальному комплексу кургана 8 из могильника Ковалевка в южной части Волго-Донского междуречья, в бассейне реки Аксай Есауловский. В центре кургана, окруженного кольцевым рвом, обнаружена пустая могильная яма без следов костяка и инвентаря. В периферийной части кургана исследовано интересное женское захоронение среднесарматской культуры. Погребальный инвентарь этого захоронения представлен преимущественно вещами импортного производства: кувшин, краснолаковое блюдо, фрагмент зеркала-подвески, римская фибула, – которые свидетельствуют о направлении торгово-экономических связей сарматов Волго-Донских степей в первые века н. э.

В статье рассматривается возможность сознательного расположения могил в центре и в периферийной части кургана, как специального ритуала, характерного для высокостатусных погребальных комплексов среднесарматской культуры и начального этапа позднесарматской культуры.

Ключевые слова: курган, погребение, сарматы, кочевники, среднесарматская культура, высокостатусное погребение, погребальный инвентарь, римская фибула, керамика.

Могильник Ковалевка расположен в
4,5 км к ВЮВ от с. Ковалевка Октябрьского

района Волгоградской области на вершине водораздела, примыкающего с юга к левой бе-

реговой террасе р. Есауловский Аксай. В могильнике около 20 курганов, вытянутых цепочкой по линии ЗСЗ-ВЮВ. Памятник интенсивно распахивается.

Четыре кургана (№ 1–4), находившиеся в западной части могильника, были раскопаны в 2006 г. экспедицией ВГСПУ.

В 2014 г. экспедиция Волгоградского государственного университета продолжила полевые работы на памятнике, проведя полное археологическое исследование курганов 7 и 8, находящихся в восточной части могильника. Материалы раскопок из кургана 7 уже опубликованы [Кривошеев, Дьяченко, 2014, с. 42–49]. В данной статье представлены результаты исследования кургана 8 курганного могильника Ковалевка.

Курган 8, насыпь которого едва выделялась на фоне пахотного поля, располагался в центральной части могильника на вершине водораздела. Его высота по нивелировочным данным составляла 0,15 м, диаметр 16 м. Курган раскапывался вручную, послойно. Стратиграфические наблюдения показали, что изначальная насыпь была полностью переработана в процессе многолетней пропашки. Однако удалось зафиксировать границы прикурганного ровика шириной около 3,5 м и глубиной 35–40 см. Ровик, вероятно, имел кольцевую форму. На поверхности он не прослеживался, поскольку был полностью запахан (рис. 1).

В насыпи кургана, на расстоянии 1 м к западу от его центра, на глубине 0,2 м от 0 обнаружен фрагмент тазовой кости, который мог принадлежать человеку (?). Кость найдена у южного края могильной ямы погребения 1.

Под насыпью кургана обнаружено два погребения.

Погребение 1. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная продольной осью по линии С-Ю, выявлена в 0,4 м к западу от центра кургана на уровне материка (рис. 2, 1). Ее размеры: длина – 2,0 м; ширина – 1,2 м; глубина – 1,45 м от 0. Длинные стенки могильной ямы были подрезаны, возможно, грабителями. Поперечный размер ямы по дну – 1,3 м. Заполнение – плотный мешаный светло-коричневый суглинок. В заполнении на разной глубине встречено несколько мелких угольков. Артефактов и костей человека в погребении не обнаружено.

Погребение 2. Обнаружено на расстоянии 4,5 м на ВСВ от центра кургана. Пятно могильной ямы практически не фиксировалось на уровне материка ввиду использования материкового материала в заполнении. Могильное сооружение представляло собой подбойную конструкцию. Входная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными торцевыми сторонами и была ориентирована длинной осью по линии С-Ю. Размеры входной ямы по верху – 1,9 × 0,62 м, по дну – 1,73 × 0,62 м. Глубина входной ямы от уровня раскопа составляла 0,85 м; от 0 – 1,36–1,38 м. Камера подбоя была устроена в длинной западной стенке входной ямы и была отделена ступенькой высотой до 0,25 м. Подбой имел подпрямоугольную форму, продольной осью ориентирован параллельно оси входной ямы по линии С-Ю. Длина подбоя – 1,75 м, ширина в средней части – 0,82 м, в северной части – 0,65 м, в южной части – 0,55 м. Свод подбоя обвалился. Реконструируемая изначальная высота свода подбоя составляла 0,6 м.

В могильном заполнении встречались угольки, кусочки дерева (возможно, от перекрытия) и мелкие фрагменты костей взрослого человека и ребенка.

На дне подбоя вытянуто на спине лежал скелет молодой женщины (13–16 лет¹) (кость I). Головой погребенная была ориентирована на юг. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги сведены в стопах. Около правой руки женщины обнаружены костные останки младенца возрастом 3–5 месяцев (кость II). Судя по расположению относительно хорошо сохранившихся фрагментов черепа и костей правой руки, ребенок покоился на спине, головой обращен на юг. В северной части могильного сооружения, на дне отмечены остатки органической подстилки темно-серого цвета. На отдельных костях погребенных также зафиксирован органический тлен серого цвета, вероятно, от покрывала (рис. 2, 2).

1. За головой женщины на боку лежал сероглиняный гончарный кувшин на кольцевом поддоне (рис. 3, 1). Сосуд имел округлое тулово с прямым горлом и резко отогнутым наружу венчиком. К тулову крепилась широкая вертикальная ручка, средняя часть которой не сохранилась (сломы ручки заглажены). Дно выпуклое. Формовка сосуда достаточно не-

брежная, обжиг неровный. На горловине отмечены прочерченные горизонтальные бороздки, а в средней и придонной части тулова – тонкие прочерченные линии. Тесто в изломе черное, с примесью шамота и песка. Высота сосуда – 21,2 см; диаметр тулова – 14,6 см; диаметр устья – 8 см; диаметр кругового поддона – 8 см; ширина ручки – 3 см.

2. Справа от черепа находилась красноглиняная гончарная миска на круговом поддоне. На поверхности сохранились остатки лакового покрытия. Венчик миски уплощен и слегка оттянут наружу. Высота изделия – 7,2 см; внешний диаметр устья – 28 см; диаметр поддона – 9,8 см (рис. 3,2).

3. В миске (план 2) лежала кость задней ноги овцы.

4. Около левого плеча женщины стоял небольшой сероглиняный гончарный сосуд, имеющий биконическое тулово с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Тесто в изломе плотное, хорошего обжига, без видимых примесей. По шейке отмечен круговой рельефный валик. Высота сосуда – 8,7 см; диаметр тулова – 11,7 см (рис. 3,3).

5. На запястье левой руки погребенной находился бронзовый браслет. Сохранность изделия плохая, в процессе реставрации форма восстановлена (рис. 3,5). Диаметр браслета – около 6 см, толщина сечения – 0,4 см.

6. На груди женщины найдена бронзовая фибула относительно хорошей сохранности. Подобные экземпляры относятся к группе шарнирных дуговидных фибул, тип «avcissa» (рис. 3,6). Изогнутая спинка фибулы в передней части широкая, к преемнику плавно сужается, на конце преемника расположена конусовидная шишечка. Ось шарнира выполнена из железа. Основание иглы имеет выступ, опирающийся на внутреннюю поверхность дужки. Сама дужка декорирована продольными линиями оттисков мелкозубчатого штампа, нанесенного по выступающим граням. В передней части дужки, имеющей форму прямоугольной пластинки, располагались два сквозных отверстия в кольцевых обрамлениях и прорезной паз для поворота иглы. Над отверстиями отмечен поперечный отпечаток того же мелкозубчатого штампа. Длина изделия – 5 см.

7. Рядом с фибулой лежал бронзовый колокольчик с двумя сквозными отверстиями

для подвешивания язычка. Язычок не сохранился. Высота колокольчика – 1,5 см, диаметр – 2,3 см (рис. 3,9).

8. В районе шеи и груди собраны бусы: округлые из синего глухого стекла (31 шт.) диаметром 0,9–1,1 см (рис. 3,4б); стеклянный бисер серого цвета, среди которого 11 шт. – диаметром 0,3–0,4 см и 1 шт. диаметром 0,6 см (рис. 3,4г); 2 округлые из белого глухого стекла диаметром 0,6 см (рис. 3,4в); одна – амфоровидная подвеска из египетского фаянса бирюзового цвета с вертикальным рифлением высотой 2,1 см (рис. 3,4а).

9. Между грудной клеткой и локтем левой руки лежало керамическое пряслице бочонковидной формы. Обжиг изделия слабый; тесто в изломе рыхлое, с обильной примесью керамического боя. Высота пряслица – 3,8 см, диаметр – 3,5 см (рис. 3,7).

10. Около левой стопы погребенной на дне ямы зафиксировано округлое пятно розовой минеральной краски.

11. На пятне краски лежало коррозированное железное шило. Конец острия и черенок были обломаны. Длина изделия – 3,7 см, толщина сечения – 0,5 см (рис. 3,10).

12. На правой стороне грудной клетки, рядом с колокольчиком (план 7) найден сегментовидный фрагмент бронзового зеркала с валиком по краю (рис. 3,11). Размер фрагмента – 3,5 × 1,1 см. Реконструируемый диаметр зеркала около 5,1 см.

13. Чуть выше грудной клетки погребенной, в засыпи ямы обнаружена маленькая петелька, скрученная из тонкой бронзовой проволоки (рис. 3,8). Высота петельки – 0,7 см. Скорее всего, эта петелька имеет отношение к колокольчику (план 7), она могла использоваться для подвешивания язычка.

Наибольший интерес в кургане представляет погребение 2 ввиду полной его сохранности. Определить дату комплекса позволяют в первую очередь вещи импортного происхождения.

На груди погребенной обнаружена бронзовая провинциально-римская фибула типа «avcissa» (рис. 3,6). Они широко известны в Восточной Европе и в сарматских комплексах начала нашей эры. Пик их популярности приходится на вторую половину I – начало II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 276–279, 332, рис. 76,1–3].

Сероглиняный кувшин, обнаруженный в погребении (рис. 3,1), имеет многочисленные аналогии в степных памятниках Волго-Донского региона и происходит, вероятно, из меотских мастерских Кубани. Несколько экземпляров аналогичных сосудов обнаружены в междуречье Волги и Дона [Шилов, 1959; Сергацков, 2000, рис. 103,3; Скрипкин, 1990, рис. 15,7]. Кувшины этого типа в сарматских комплексах А.С. Скрипкиным датируются I в. н. э. [Скрипкин, 1990, рис. 49].

Краснолаковая миска, которая находилась у головы погребенной, вероятно, боспорского производства (рис. 3,2). Аналогии ей известны в памятниках Крыма [Труфанов, 2005–2009, с. 149, рис. 15,2]. Д.В. Журавлев отнес такие миски к типу 7.2 краснолаковых тарелок, датируемых в Крыму преимущественно второй половиной I – первой половиной II в. н. э. [Журавлев, 2010, с. 50–51, табл. 21,135].

Небольшой сероглиняный биконический сосудик (рис. 3,3) относится к популярному типу, который широко известен в I – первой половине II в. н. э. Такие сосуды встречаются у сарматов [Сергацков, 2000, с. 116, рис. 103,2], на Кавказе [Абрамова, 1993, рис. 51,10], в некрополях поселений Нижнего Дона, причем, как и в нашем случае, в сочетании с шарнирными римскими фибулами [Ларенок, 2013, табл. 124,11; 129,10].

Фрагмент бронзового зеркала (рис. 3,11), обнаруженный на груди погребенной, судя по реконструируемому размеру, может относиться к раннему типу зеркал-подвесок с боковым ушком. Такие зеркала появляются у сарматов в I – начале II в. н. э. [Скрипкин, 1990, с. 153; Глухов, 2005, с. 47–48].

Рядом с зеркалом был обнаружен небольшой бронзовый колокольчик. Колокольчики получили широкое распространение в кочевнических и поселенческих памятниках Юго-Восточной Европы первых веков н. э. на Кубани, в Нижнем Поволжье, на Нижнем Дону, в Крыму [Косяненко, 1997, с. 154–159], на Кавказе [Бакушев, 2012]. Подобные изделия принято относить к предметам-оберегам, отпугивающим злые силы [Косяненко, 1997, с. 161, 163].

Бусы, собранные на груди погребенной, типичны для среднесарматского времени. Наиболее информативной в этом наборе яв-

ляется подвеска из голубого египетского фаянса в виде амфорки бирюзового цвета (рис. 3,4a). Пик бытования таких подвесок приходится на I–II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 46, табл. 4 продолж.].

Глиняное пряслице (рис. 3,7), которые чаще всего относят к «орудиям труда», было найдено в погребении 2 и является характерным атрибутом преимущественно женских захоронений в среднесарматское время [Балабанова, 2015, с. 56, 58].

Исходя из характеристики инвентаря, погребение 2 в кургане 8 могильника Ковалевка, вероятно, датируется второй половиной I – началом II в. н. э. и относится к среднесарматской культуре.

Погребальный обряд обеих могил в кургане в целом характерен для среднесарматского времени. Прямоугольные ямы средней ширины, как в погребении 1, встречаются в 15 % случаев. Подбойные конструкции, как в погребении 2, характерны для 16 % среднесарматских захоронений [Сергацков, 2002, с. 90, табл. 8].

Захоронение ребенка рядом с погребенной, как в погребении 2, – широко распространенное явление в среднесарматское время. В эту эпоху детей часто хоронили в сопровождении взрослых [Балабанова, 2015, с. 57].

Рассматриваемый курган является интересным объектом с точки зрения планиграфии. Под насыпью зафиксировано два погребения. Погребение 1 – в центральной части, погребение 2 – в восточной поле. Отсутствие в центральном погребении 1 костей человека (кроме тазовой вне могилы на краю ямы) и вещей, которые можно было бы связать с этим захоронением, позволяют по-разному интерпретировать планиграфию и обряд в кургане 8. Ввиду практически полной распашки курганной насыпи и отсутствия стратиграфических данных оснований говорить о первичности сооружения той или иной могилы нет. Нельзя исключать, что оба погребения сооружались одновременно под единой насыпью. Подобное расположение могил известно в сарматских памятниках нижнедонского региона, относящихся к начальным этапам позднесарматской культуры. В этих комплексах в центре кургана находилась широкая прямоугольная яма, в которой отсутствовали ос-

танки погребенных. Периферийные захоронения сохранились нетронутыми и нередко содержали богатый инвентарь [Ильюков, 2000; Гугуев, 2000, с. 146–148; Беспальный, 2000]. Погребение 2 кургана 8 из Ковалевки также находилось в периферийной части кургана и содержало костяк погребенной. Ю.К. Гугуев предполагает, что центральные могилы могли специально устраиваться не только в ритуальных целях, но и для отвлечения грабителей и маскировки реально значимых захоронений. Для этих целей нередко входные ямы заполнялись материковой глиной [Гугуев, 2000, с. 147]. В нашем случае входная яма подбойной могилы погребения 2 также была заполнена материковым материалом, что сильно осложнило ее обнаружение. Вероятно, место захоронения сознательно маскировалось с целью избежать ограбления. Гипотеза о практике обряда сокрытия могил в периферийной части кургана и при помощи маскировки находит подтверждение также и в памятниках среднесарматского времени. Отсутствие находок в центральном погребении 1 может указывать на его ритуальный характер. Однако находка фрагмента кости человека на краю

ямы может свидетельствовать также о тщательном ограблении.

Практика совершения нескольких погребений в курганах встречается в памятниках среднесарматской культуры. В бассейне Есауловского Аксая исследована серия ярких среднесарматских курганов, в которых обнаружены погребения высокого социального ранга. В этих курганах находились синхронные погребения под одной насыпью. Центральные захоронения, как правило, были ограблены. В периферийной части находились неординарные «сопровождающие» погребения [Балабанова, 2014, с. 71–79, рис. 104–121; Мыськов, 1999]. Можно предположить, что комплекс кургана 8 могильника Ковалевка был устроен по тому же принципу: центральное погребение 1 оказалось полностью разграблено, а сопровождающее погребение 2 сохранилось нетронутым. Судить о характере центрального погребения 1 не представляется возможным ввиду отсутствия в нем каких-либо материалов. Однако погребение 2, в котором обнаружены импортные вещи, свидетельствует о достаточно высоком социальном положении погребенной.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

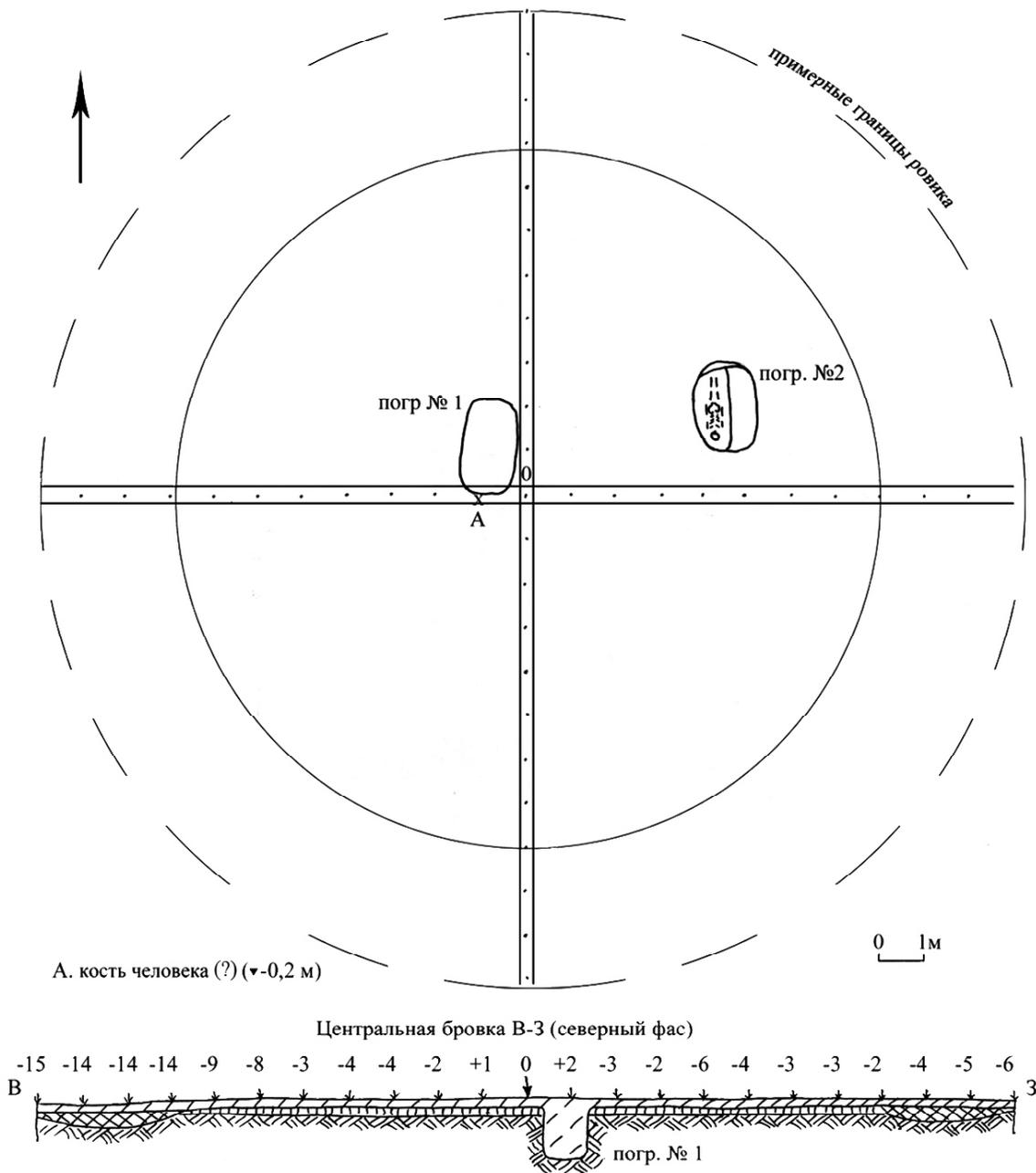
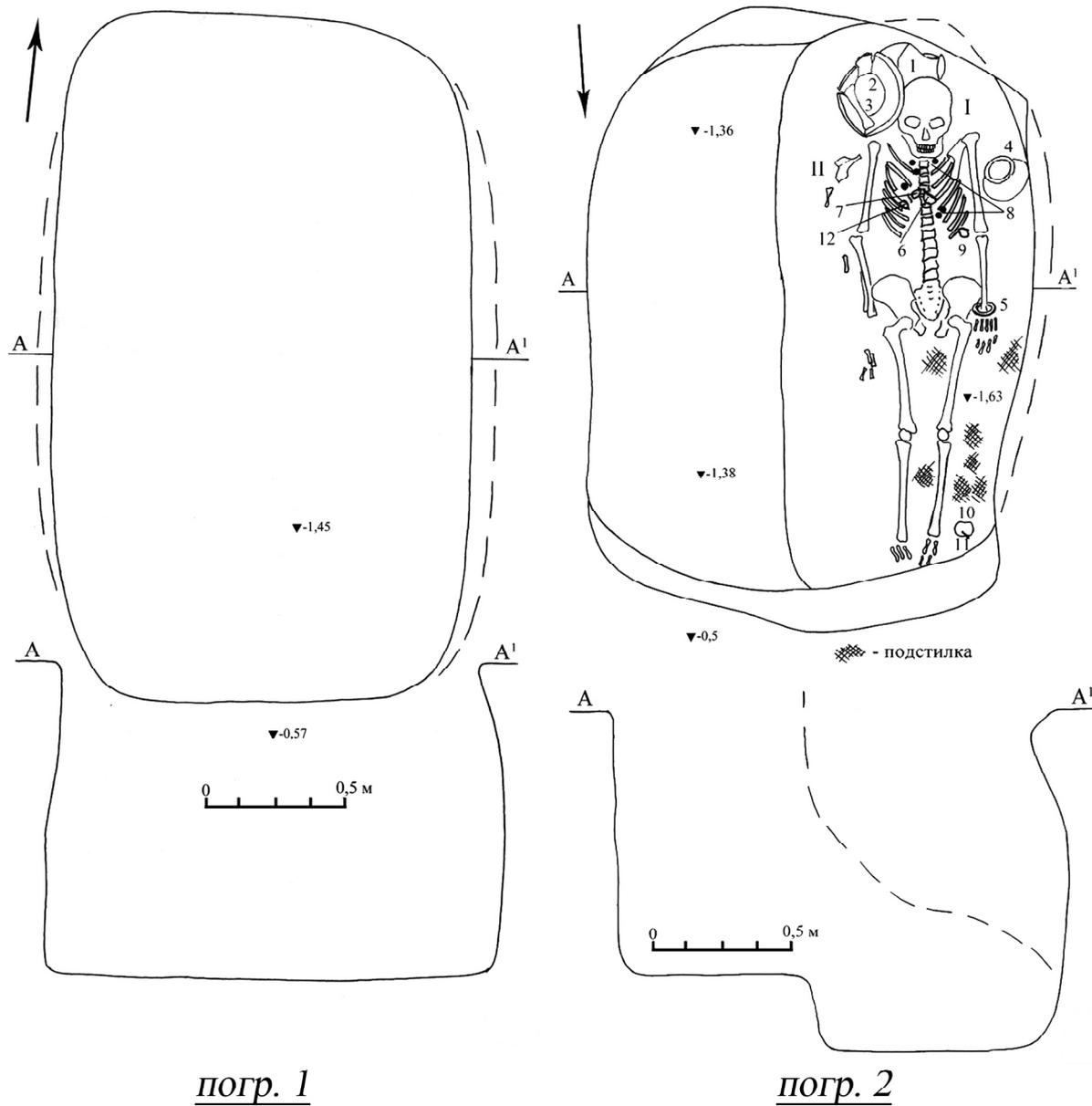

Рис. 1. План кургана 8 могильника Ковалевка

погр. 1

погр. 2

Находки

- 1 - кувшин
- 2- миска красноглиняная
- 3- кость овцы
- 4- горшок
- 5- браслет бронзовый
- 6- фибула бронзовая
- 7- колокольчик бронзовый
- 8- бусы
- 9- пряслице глиняное
- 10- розовая краска
- 11- фр-т железного шила
- 12- фр-т бронзового зеркала
- 13- бронз. проволочная петля
(в заполнении)

Рис. 2. Материалы кургана 8 могильника Ковалевка

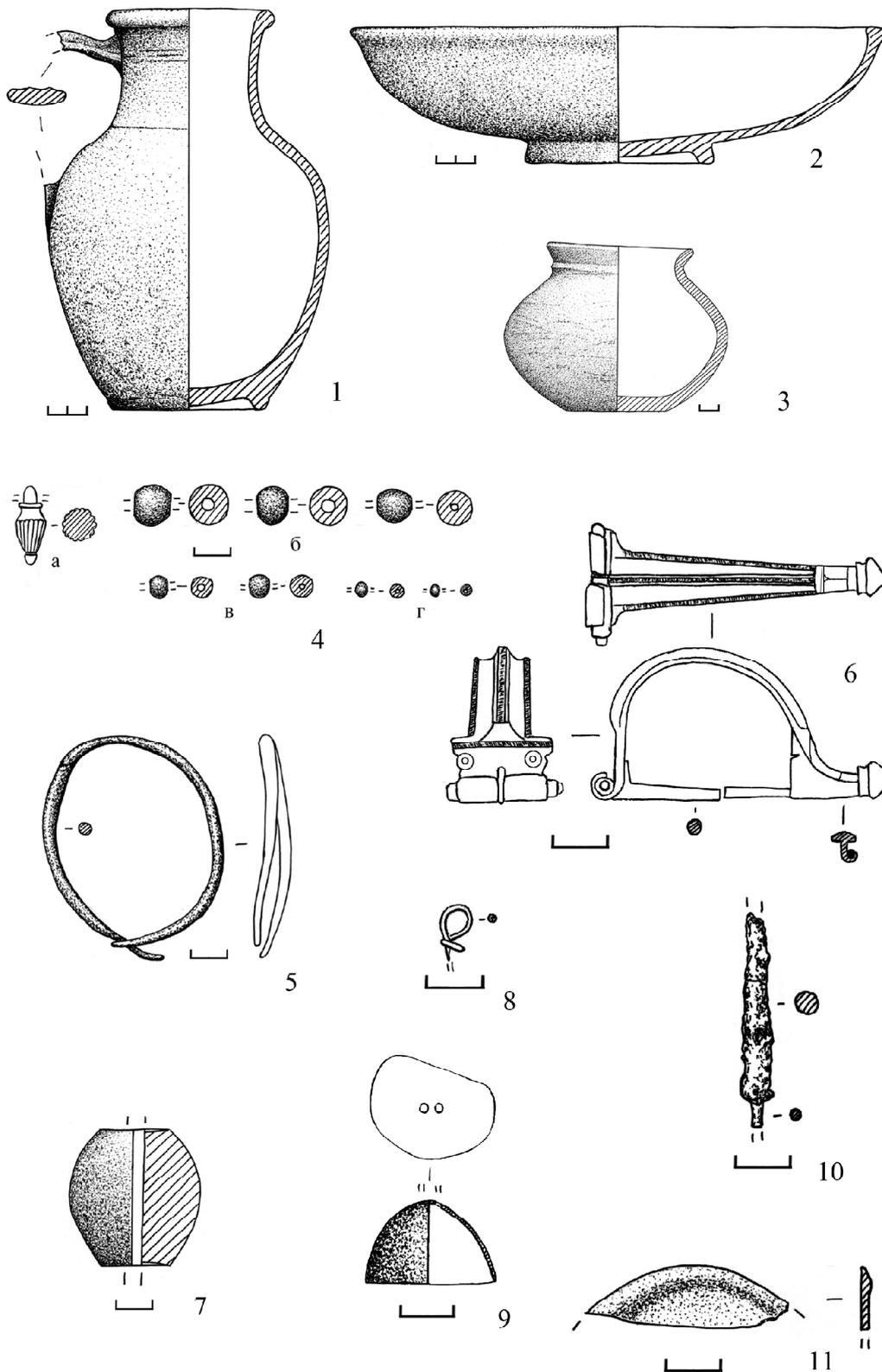

Рис. 3. Могильник Ковалевка. Находки из погребения 2 кургана 8:

- 1 – кувшин сероглиняный; 2 – миска краснолаковая; 3 – сероглиняный сосуд; 4 – бусы;
 5 – браслет бронзовый; 6 – бронзовая фибула; 7 – глиняное пряслице; 8 – бронзовая петелька;
 9 – колокольчик бронзовый; 10 – шило железное; 11 – фрагмент бронзового зеркала

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Антропологические определения выполнены канд. ист. наук Е.В. Перервой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. П. (1993). Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М. : ИА РАН. 240 с.

Алексеева Е. М. (1975). Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. 120 с.

Бакушев М. А., Ильюков Л. С. (2012). Бронзовые колокольчики албано-сарматского времени с территории Дагестана // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 8, № 3. С. 78–83.

Балабанова М. А., Перерва Е. В., Клепиков В. М., Кривошеев М. В., Демкин В. А., Ельцов М. В., Скрипкин А. С., Удальцов С. Н., Яворская Л. В., Дьяченко А. Н. (2014). Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС. 360 с.

Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. (2015). Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС. 272 с.

Беспалый Е. И. (2000). Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов н/Д : Терра ; НПК «Гефест». С. 156–168.

Глухов А. А. (2005). Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 240 с.

Гугуев Ю. К. (2000). О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону : материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов н/Д : Терра ; НПК «Гефест». С. 141–155.

Журавлев Д. В. (2010). Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь : Изд-во БФ «Деметра». 320 с.

Ильюков Л. С. (2000). Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону : материалы и исследования по архе-

ологии Дона. Вып. I. Ростов н/Д : Терра ; НПК «Гефест». С. 100–140.

Косяненко В. М. (1997). Роль бронзовых колокольчиков в погребальном обряде (по материалам позднеантичных памятников) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов. С. 35–39.

Кривошеев М. В., Дьяченко А. Н. (2014). Погребение воина позднесарматского времени в Волго-Донском междуречье // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 42–49.

Кропотов В. В. (2010). Фибулы сарматской эпохи. Киев : ИД «АДЕФ-Украина». 384 с.

Ларенок В. А. (2013). Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Ч. I. Ростов н/Д : Издательский Дом. 448 с.

Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. (1999). Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 149–167.

Сергацков И. В. (2000). Сарматские курганы на Иловле. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 396 с.

Сергацков И. В. (2002). Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М. : Вост. лит. С. 22–129.

Скрипкин А. С. (1990). Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 298 с.

Труфанов А. А. (2005–2009) Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus: Культурная антропология. С. 117–328.

Шилов В. П. (1959). Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 1976.

REFERENCES

Abramova M.P. (1993). *Central Ciscaucasia in Sarmatian time (3rd century BC - 4th century AD)*. Moscow, IA RAN Publ. 240 p. (in Russian).

Alekseeva E.M. (1975). Antique beads from the Northern Pontic Region. *Collection of archaeological sources*, 1975, vol. G1-12. 120 p. (in Russian).

Bakushev M.A, Ilyukov L.S. (2012). Bronze hand bells of the Albano-Sarmatian time from the territory of Dagestan. *Bulletin of Southern scientific*

- centre of RAS, vol. 8, no. 3, 2012, pp. 78-83. (in Russian).
- Balabanova M.A., Pererva E.V., Klepikov V.M., Krivosheev M.V., Demkin V.A., Eltsov M.V., Skripkin A.S., Udaltsov S.N., Yavorskaya L.V., Dyachenko A.N. (2014). *Peregruznoe I burial mound: results of interdisciplinary research*. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKHiGS. 360 p. (in Russian).
- Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. (2015). *Sex and age structure of the Sarmatian population of the Lower Volga: funerary rite and physical anthropology*. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPORANKHiGS. 272 p. (in Russian).
- Bespalyy E.I. (2000). Late Sarmatian burial from the Vysochino V burial ground on the watershed between Kagalnik and Don. *Sarmatians and their neighbours from the Don*. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 156-168. (in Russian).
- Gluhov A.A. (2005). *The Sarmatians between the rivers Volga and Don in the 1st - first half of 2nd century AD*. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo. 240 p. (in Russian).
- Guguev Yu.K. (2000). The place of burial complexes from the Kirovskiy I, III, IV burial mounds in the system of the monuments of the Late Sarmatian culture. *Sarmatians and their neighbours from the Don*. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 141-155. (in Russian).
- Zhuravlev D.V. (2010). Red-gloss ceramics in the Southwest Crimea in the 1st – 3rd Centuries AD. *Materials on archeology, history and ethnography of Tauria*, sup. 9. Simferopol, Izd-vo BF “Demetra”. 320 p. (in Russian).
- Ilyukov L.S. (2000). Late Sarmatian burial mounds on the left Bank of river Sal. *Sarmatians and their neighbours from the Don*. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 100-140. (in Russian).
- Kosyanenko V.M. (1997). The role of the bronze bells in the funeral rite (based on Late Antique sites). *Historical and archaeological investigations in Azov and Lower Don*, iss. 14. Azov, pp. 153-164. (in Russian).
- Krivosheev M.V., Dyachenko A.N. (2014). The Burial of a warrior of the Late Sarmatian time in the Volga-Don interfluvium. *Military history of Russia: problems, searches, decisions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference devoted to the 100th anniversary of the First World War, Volgograd, September 26-27, 2014*. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 42-49. (in Russian).
- Kropotov V.V. (2010). *Fibulae of the Sarmatian epoch*. Kiev, ID “ADEF-Ukraine” Publ. 384 p. (in Russian).
- Larenok V.A. (2013). *Meotian antiquities. Catalogue of burial complexes of the Kobayakov settlement from excavations of 1999-2000. Part I*. Rostov-on-Don, Izdatelskiy Dom Publ. 448 p. (in Russian).
- Myskov E.P., Kiyashko A.V., Skripkin A.S. (2009). The burial of Sarmatian nobility from the Esaulovskoy Aksay river. *The Lower Volga archaeological bulletin*, iss. 10, pp. 149-167. (in Russian).
- Sergatskov I.V. (2000). *Sarmatian burial mounds on the Ilovlya River*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 396 p. (in Russian).
- Sergatskov I.V. (2002). The analysis of the Sarmatian burial sites of the 1st– 2nd centuries BC. *Statistical study of funeral antiquities of ancient Sarmatia, iss. III. Middle Sarmatian culture*. (in Russian). Moscow, Vostochnaya literatura Publ., pp. 22-129. (in Russian).
- Skripkin A.S. (1990). *Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical Aspect*. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta. 298 p. (in Russian).
- Trufanov A.A. (2005-2009). The chronology of burial grounds of Piedmont Crimea of 1st century BC – 3rd century AD. *Stratum plus. Cultural anthropology*, pp. 117-328. (in Russian).
- Shilov V.P. (1959). Report on excavations of the Astrakhan expedition in 1959. *Archive of IA RAS*. R-1, no. 1976. (in Russian).

Information about the Authors

Aleksandr N. D'jachenko, Specialist of the Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, djachenko_an@mail.ru, arhlab@volsu.ru.

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tyaf@mail.ru, arhlab@volsu.ru.

Информация об авторах

Александр Николаевич Дьяченко, специалист лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, djachenko_an@mail.ru, arhlab@volsu.ru.

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tyaf@mail.ru, arhlab@volsu.ru.

Citation. D'jachenko A.N., Krivosheev M.V. (2016). Burial Complex of the 1st Century AD from Kovalyovka Kurgan Cemetery. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 15, no. 1, pp. 105-115. (in Russian).